

знаем, какие именно отрывки читал Некрасову Панаев, но так или иначе весь роман увлекал светлой надеждой на лучший мир, который должен наступить не посредством изменения социальных схем, а через преображение Христовым светом человеческой души. Рукопись Спиридиона приобретает символический смысл «семени жизни», которое прорастает в душе следующего – духовного сына, «возвращая к вере в Бога». «Быть может, семена, посеянные мною в твоей душе, принесут много плода, когда ты согреешь их своим дыханием» (8 : 504), – говорит Спиридион Фульгенцию. О «семени жизни» часто размышляет и Алексей. Не станет ли это одним из источников (помимо евангельской притчи о сеятеле) замысла некрасовской поэмы «Саша»? Не исключено. Кстати, евангельские слова о семени из последней цитаты станут эпиграфом к «Братьям Карамазовым» Достоевского. Очевидно, что «Спиридион» для Достоевского тоже стал фактом творческого восприятия и приятия.

Итак, в отличие от Белинского, приветствовавшего внимание французской писательницы к социальной стороне жизни, Достоевский и Некрасов подчеркивали внимание Ж. Санд к внутреннему миру человека, его прекрасным, идеальным стремлениям. Достоевский и Некрасов заслугу Ж. Санд видели не в развитии социального, или общественного, романа, как Белинский, а в прославлении личности, в художественном воплощении идеи духовного преображения мира.

Библиографический список

1. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 9. Т. 12. М., 1955–1956.
2. В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977.
3. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 21. Т. 23. Л., 1980–1981.
4. *Кафанова О. Б.* Жорж Санд и русская литература XIX века (Мифы и реальность). Томск, 1998.
5. *Мостовская Н. Н.* Некрасов и Жорж Санд // Некрасовский сборник. Т. 11–12. СПб., 1998. С. 105–113.
6. *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 11. Кн. 2. Л., 1990.
7. *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1988.
8. *Санд Ж.* Грех господина Антуана. Спиридион. М., 2007.
9. *Смирнов А.* Социализм в оценке Достоевского. Казань, 1907.

Т. П. Баталова

*Коломенский государственный
педагогический институт*

«УЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ» Н. А. НЕКРАСОВА: СЮЖЕТ И ВРЕМЯ

«Уличные впечатления», первая часть цикла «О погоде», публиковалась в № № 1–3 «Современника» 1859 г. Связующим для этого цикла является мотив времени. Заглавия его стихотворений – «Утренняя прогулка», «До сумерек», «Сумерки» – говорят о времени суток, погодные мотивы – тумана, дождя, снега, холода – о времени года.

РАЗДЕЛ III

Здесь берёт, сокрушает хандра,
Так и просятся слёзы из глаз.
Нет! Я лучше уйду со двора...
Я ушёл ... (4 : 175)

(«Утренняя прогулка»)

Я, продрогнув, домой побежал.
Небо, видно, сегодня не сжалится:
Только дождь перестал,
Снег лепёшками крупными валится! (4 : 183)
(«До сумерек»)

Изображаемая здесь природа и тональность стихов относят события, о которых идёт речь, к поздней осени или зиме. В тексте маркирован и их год. Рассыльный Минай объясняет:

С «Современником» нянчусь давно:
То носил к Александру Сергеичу,
А теперь уж тринадцатый год
Всё ношу к Николай Алексеичу, –
На Литейном живёт (4 : 181).

Если учесть, что «Современник» издавался Некрасовым и И. И. Панаевым с 1847 г., то встреча лирического героя с Минаем состоялась в 1859 г. Об этом же свидетельствуют и упоминания об Исаакиевском соборе и Исаакиевом мосте.

Принял позу старик величавую,
На Исакия смотрит, крестясь (4 : 181).

Исаакиевский собор был освящён 30 мая 1858 г. Рассказывая об этом событии, «Отечественные записки» сравнивали значение этого собора для России с римским Петром, лондонским Павлом, храмом Соломона в Иерусалиме. Исаакиевский собор, построенный по проекту Монферрана, заменил деревянный храм Исаакия Далмацкого, освящённый в 1727 г. в память о дне рождения (30 мая) Петра Великого. Первый камень в его основание был заложен ещё самим Петром I (6 : 64–65). Истории и достопримечательностям собора была посвящена изданная в 1858 г. брошюра за подписью П. В-б-а (2 : 45).

Таким образом, Некрасов использовал это широко отмечавшееся в России событие для маркировки времени в своём произведении.

Возникает здесь и образ Исакиева моста.

<...> Везли на погост
Чей-то вохрой окрашенный гроб
Через длинный Исакиев мост (4 : 175).

Исаакиевский мост – первый мост, появившийся в Петербурге. Он был наплавным, сооружён в 1727 г. по приказу А. Д. Меньшикова, шёл от его дворца на Васильевском острове к Адмиралтейскому острову. Въезд на мост находился напротив деревянной церкви Исаакия Далмацкого. Она и дала своё имя мосту. В 1850 г. по окончании строительства Благовещенского моста наплавной мост передвинули выше, к Стрелке Васильевского острова, и назвали Дворцовым (1 : 7–9). Первое наименование моста, вероятно, осталось за ним в памяти петербуржцев,

и Некрасов, очевидно, знал об этом. К моменту публикации «Уличных впечатлений» имя Исакиев мост ассоциировалось с Исаакиевским Собором и также указывало на время в рассматриваемом произведении.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что «фабульное время» в первой части цикла «О погоде» – один из дней зимы 1858–1859 гг.

Но эти же образы – Исаакиевский собор и Исаакиевский мост – вводят в подтекст произведения Петровский мотив и тем самым как бы переводят «фабульное время» во «время сюжетное», т. е. бытовое – в историческое.

Первые строки «Утренней прогулки» указывают на литературный источник Петровского мотива.

Слава Богу, стрелять перестали!
Ни минуты мы нынче не спали,
И едва ли кто в городе спал:
Ночью пушечный гром грохотал,
Не до сна! Вся столица молилась,
Чтоб Нева в берега воротилась... (4 : 175).

Эти стихи можно рассматривать как напоминание о «Медном Всаднике», но мотив наводнения у Некрасова переосмыслен. Заметим, что время в «Уличной прогулке» – более позднее и Нева ведёт себя иначе.

И минула большая беда –
Понемногу сбывает вода.
Начинается день безобразный –
Мутный, ветренный, тёмный и грязный.
Ах, ещё бы на мир нам с улыбкой смотреть!
Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что как слёзы струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей и снегов! (4 : 175)

Интертекстуально эти стихи можно понимать как то, что покорённая Нева, символизирующая Природу, со временем изменила вид своей местности. На город теперь посылаются «туманы сырые, дожди и снега». И интересно, что эти погодные образы связаны здесь с образом Петра.

Только дождь перестал,
Снег лепёшками крупными валится!
Город начал пустеть – и пора!
Только бедный да пьяный шатаются,
Да близ медной статуи Петра
У присутственных мест дожидаются
Сотни сотен крестьянских дровней... (4 : 183).

(«До сумерек»)

Надо всем, что ни есть: над дворцом и тюрьмой,
И над медным Петром, и над грозной Невой,
До чугунных коней на воротах застав
(Что хотят ускакать из столицы стремглав) –
Надо всем распростёрся туман (4 : 184).

(«Сумерки»)

Под влиянием этих мотивов драматизм ситуаций от стихотворения к стихотворению усиливается.

В «Утренней прогулке» изображены похороны бедного чиновника. Этот сюжетный ход позволил автору дать обобщённый портрет «самого бедного», по материалам «Библиотеки для чтения» (3 : 44–45), класса. Не случайно это стихотворение А. В. Никитенко назвал «прекрасным» (5 : 53).

Мотив исторического времени в этом стихотворении вводится пушкинским подтекстом – сближением образов Бедного, бедного Евгения («Медный Всадник») и Бедного Макара (вероятно, здесь подразумеваются фольклорные аллюзии – поговорка «все шишки – на бедного Макара»). Пушкинский исторический мотив выражен в Части первой поэмы упоминанием о роде Евгения.

Прозванья нам его не нужно,
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом и молвой
Оно забыто...

Очевидно, здесь автор намекает на оскудение дворянских родов под влиянием петровского абсолютизма. Именно благодаря этому процессу Евгений и Макар сближены в социальном отношении. Не случаен в биографии Макара и мотив наводнения.

В департаментах разных служил,
Петербург ему солон достался:
В наводненье жену потерял,
Целый век по квартирам таскался,
И четырнадцать раз погорал.
А уж службой себя как неволил!
В будни сиднем сидел да писал,
А по праздникам ноги мозолил –
Всё начальство своё поздравлял.
Вот и кончилось тем – простудился! (4 : 176)

Вероятно, цифра 14 здесь указывает на петровский «Табель о рангах» 1722 г (7 : 439–441) и выражает иронию по отношению к надеждам бедного Макара на продвижение по службе. И как завершение насмешек судьбы – пятнадцатый Пожар: «Дом-то, где его тело стояло, / Загорелся...».

Своего апогея трагизм судьбы этого героя достигает благодаря мотиву «Сапогов», который вводит в подтекст гоголевскую «Шинель».

Подари, – говорю, – сапоги,
А то, вишь, разошёлся дождище!
Неравно в самом деле умрёшь,
В чём пойду проводить на кладбище?
Закивал головой... (4 : 177)

Старушонка провожает гроб «в кацавейке, в мужских сапогах».

Таким образом, эта сцена похорон выражает сразу три уровня времени: фабульное – утро ненастного зимнего дня, биографическое – судьба Бедного Макара, историческое – после петровских реформ, с которых берёт своё начало чиновничество.

Кульминация «Утренней прогулки» – сценка «съезжая с моста», выражающая противоположность положения в обществе чиновничества и офицерства.

Только в крышу дощатого гроба стуча,
Прыгал град да извозчик-палач
Бил кургузым кнутом спотыкавшихся кляч,
И вдоль спин побелевших удары кнута
Полосами ложились. Съезжая с моста,
Зацепила за дроги коляска, стремглав
С офицером, кричавшим «пошёл» пронеслась,
Гроб упал и раскрылся... (4 : 176)

Социальная противоположность здесь выражена через сопоставление дрожек со «спотыкающимися клячами» и «несущейся коляски». Заметим, что пушкинский подтекст символизирует здесь образ «моста» как покорение Невы Петром I («Мосты повисли над водами»).

Итак, из предложенного анализа можно заключить, что символика образов этого стихотворения связывает фабульное и сюжетное время. Благодаря этому возникает мотив усиления со временем тяжести для русского общества петровских преобразований.

В стихотворении «До сумерек» мотив времени и связанный с ним петровский мотив получают несколько иное осмысление. Центральный образ здесь – «войско, несметное счётом», переходящее улицу и преграждающее дорогу «прибывающей толпе».

Возникновение этой картины предваряется концентрацией неприятных погодных ощущений, достигающих степени «зловещих».

Ветер что-то удушлив не в меру,
В нём зловещие ноты звучат,
Всё холеру – холеру – холеру –
Тиф и всякую немочь сулят!
Все больны, торжествует аптека
И варит свои зелья гуртом;
В целом городе нет человека,
В ком бы желчь не кипела ключом... (4 : 179)

«Погода дурная» смазывает торжественность движущихся колонн.

Жаль, что нынче погода дурная,
Солнца нет, кивера не блестят
И не лоснится масть вороная
Лошадей. Только сабли звенят;
На солдатах едва ли что сухо,
С лиц бегут дождевые струи,
Артиллерия тяжко и глухо
Подвигает орудья свои.

РАЗДЕЛ III

Всё молчит. В этой раме туманной
Лица воинов жалки на вид,
И подмоченный звук барабанный
Словно издали жидко гремит... (4 : 180–181)

Погодный мотив усиливает здесь мотив бессмысленности безграничного роста армии. Выражение этой художественной мысли достигает своего апогея в отношении рекрутов. На «сотни сотен крестьянских дровней», которые «у присутственных мест дожидаются» близ «медной статуи Петра», снег «лепёшками крупными валится».

И так щедро с небес посыпаются,
Что за снегом не видно людей... (4 : 184)

В 1858–1859 гг., в период подготовки Александровских реформ, необходимость военной реформы широко обсуждалась в периодической печати.

«Войско, несметное счётом» перегородило дорогу идущим, спешащим, едущим, скачущим. Образ ожидающей толпы олицетворяет всю Россию, которой «войско» мешает продвигаться вперёд.

Прибывает толпа ожидающих,
Сколько дрожек, колясок, карет!
Пеших, едущих, праздно зевающих
Счёту нет!
Тут квартальный с захваченным пьяницей,
Как Федотов его срисовал;
Тут старуха с аптечною стклянницей,
Тут жандармский седой генерал;
Тут и дама такая сердитая –
Открывай ей немедленно путь! <...>
Тут бедняк итальянец с фигурами,
Тут чухна, продающий грибы,
Тут рассыльный Минай с корректурами... (4 : 181)

Итак, этот фабульный момент снова как бы выводит в сюжетное время. Регулярная армия, созданная в результате петровских реформ, за прошедшее с той поры время превратившись в «несметную счётом», стала тормозом на пути развития России и нуждается в новых преобразованиях.

Вероятно, чтобы завуалировать своё отношение к современной цензуре и в то же время усилить экспрессивность стихов, Некрасов вводит в текст воспоминания рассыльного Миная о Пушкине.

Если красные встретит кресты,
Так и пустит в тебя корректурую:
<...> «Это кровь, – говорит, – проливается,
Кровь моя, – ты дурак!» ... (4 : 183)

Думается, что благодаря этой сценке образ «войска, несметного счётом», как бы расширяется и обобщается до всех давящих и тормозящих жизнь в России порядков.

В этом стихотворении проявляется символика образов коней. Вероятно, не случайно о коне «медной статуи Петра» не упоминается. Можно предположить, что он как бы рассредоточен в конях «войска, несметного счётом». Кроме того, семантически самая трагичная сценка стихотворения.

Под жестокой рукой человека
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача.
Вот она зашаталась и стала.
«Ну!» – погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) –
И уж бил её, бил её, бил! (4 : 179)

Думается, её можно рассматривать как пародию на скульптурный образ Медного Всадника – «Россию поднял на дыбы».

Значимо и сопоставление этого образа с Конём, покрытым «красной попоною».

Полно ждать! за последней колонною
Отсталые прошли,
И покрытого красной попоною
В заключение коня провели (4 : 183).

В сопоставлении этого образа с отсутствием Коня под Медным Петром можно видеть в «красной попоне» символ государственной власти, а в образе Коня под ней – символ, характеризующий российскую государственность, в которую превратили её со временем петровские преобразования.

Таким образом, и эти детали фабульное время переводят в сюжетное.

Итак, рассмотренные принципы поэтики дали возможность Некрасову выразить в художественной форме актуальные вопросы того времени. В «Утренней прогулке» на примере судьбы Бедного Макара обобщено положение чиновнического класса в России того времени. Во втором стихотворении цикла – изображены характерные черты опоры русской государственности послепетровского времени: регулярная армия и рекрутская повинность.

В стихотворении «Сумерки» – как бы итоговом в рассматриваемом цикле – изображена жизнь столицы, под которой можно понимать всю Россию. Обобщены и погодные образы – «надо всем».

Надо всем распростёрся туман.
Душный, стройный, угрюмый, гнилой,
Некрасив в эту пору наш город большой,
Как изношенный фат без румян... (4 : 184)

Далее, при обобщении мотива похорон, в подтекст вводится пушкинский образ Гробовщика.

Бедность гибельней всякой заразы –
В нашей улице люди так мрут,
Что по ней то и знай на кладбища,

Как в холеру тащат мертвецов:
Холод, голод, сырые жилища –
Не робей, Варсонофий Петров!.. (4 : 185)

Связующий характер мотивов стихотворений цикла усиливает их экспрессию до «наращения смысла». Мотив похорон в этом аспекте становится как бы финальным, кульминационным, предтечей апокалипсиса.

Всё сливается, стонет, гудёт,
Как-то глухо и грозно грохочет,
Словно цепи куют на несчастный народ,
Словно город обрушиться хочет (4 : 185).

Финал этого стихотворения, как и всего цикла. – открытый. Это соответствовало особенностям времени его создания – ожиданию реформ, которые воспринимались как необходимые.

Из предложенного анализа можно сделать вывод о том, что конкретные образы составляющих его стихотворений имеют двоякую природу. С одной стороны, они фабульны. С другой – связаны с историческим временем, т. е. выполняют и сюжетную функцию. Благодаря этому цикл выражает сверхзадачу – показывает усугубление со временем результатов петровских преобразований и необходимость новых реформ.

Библиографический список

1. Антонов Б. И. Мосты Санкт-Петербурга. СПб., 2002.
2. Библиотека для чтения. 1858. № 5, май – июнь. Литературная летопись.
3. Библиотека для чтения. 1858. № 11–12, ноябрь – декабрь. Смесь.
4. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 2. Л., 1981.
5. Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. М., 1955–1956. Т. II.
6. Отечественные записки. 1858. № 6. Смесь.
7. Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). Т. XXXII. СПб., 1901.

В. С. Белова
*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

О ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ СМЫСЛЕ «СТИХОТВОРЕНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ РУССКИМ ДЕТЯМ» Н. А. НЕКРАСОВА

Глубокий интерес к детям, жизни и судьбе молодого поколения России, свойственный Н. А. Некрасову, проявился уже в ранних произведениях поэта. Одно из первых своих произведений, пьесу «Юность Ломоносова», он написал, как предполагают исследователи, для мальчиков – учеников пансиона Г. Ф. Бенецкого, где служил учителем-гувернером (3 : VI : 652). В этой пьесе Некрасов рассказал детям о том, что было очень близко ему самому: о горячем стремлении к зна-